

М. ФИГЕДЬОВА

УДК 821.161.1-31(Улицкая Л.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,44

ИЗОБРАЖЕНИЕ МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. УЛИЦКОЙ: РОМАН «МЕДЕЯ И ЕЕ ДЕТИ»

Аннотация. Людмила Улицкая к словацким читателям пришла с помощью выдающихся переводчиков, получив в Словакии такую же популярность, как и на родине. Статья посвящена анализу романа «Медея и ее дети» на нескольких уровнях: на уровне организации повествования, изображения пространства и времени. Значительное внимание уделяется рассмотрению социальных и межличностных отношений в романе.

Ключевые слова: Л. Улицкая, «Медея и ее дети», повествование, пространство и время, социальные связи, художественный мир

В своей лекции о состоянии современной русской литературы, которая состоялась 14 ноября 2013 года в Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, современный поэт, переводчик и главный редактор российского издательства ОГИ Максим Амелин назвал Людмилу Улицкую и Михаила Шишкина авторами, чьи произведения будто предназначены для экспорта. Говоря об актуальной русской литературе, чешский славист Милан Грала указывал, что в 2003 году в Московском Доме Книги книг Улицкой было продано больше, чем книг Пелевина и Солженицына [Hrál 2007: 710]. Такая популярность произведений Л. Улицкой свидетельствует как об оригинальности и своеобразии авторской манеры, так и о заинтересованности читателя.

Если Пелевин считается самым ярким представителем современной русской литературы, а Солженицын – носителем общественно-значимых идей и неутомимым критиком российского общества, то Людмилу Улицкую можно рассматривать как автора, творчество которого является прямым продолжением реалистической традиции девятнадцатого века и в то же время учитывает влияния литературных направлений века двадцатого.

Сходство повествовательных стратегий свидетельствует о связи Улицкой с чеховской традицией. Владимир Черевка, словацкий литературовед, первый переводчик Улицкой на словацкий, назвал Улицкую «Чеховым в юбке». Такая «аттестация» связана со

склонностью писательницы к реализму, и в то же время касается феминистского характера изображаемых ею ситуаций.

Мы считаем также, что изображение некоторых эпизодов в произведениях Улицкой позволяет увидеть в них связи с творчеством Достоевского, на влияние которого прямо указывает сама писательница интертекстуальной отсылкой в названии своей известной новеллы «Сонечка».

На словацком языке из всего массива творчества Улицкой были опубликованы следующие произведения: «Сонечка» (1999), перевод Владимира Черевка, романы «Медея и ее дети» (2007) в переводе Катарины Стрелковой, «Веселые похороны» (2006) в переводе Евы Пиоварцовой, «Даниэль Штайн, переводчик» (2009) и «Зеленый шатер» (2012) в переводах Яна Штрассера.

Стремление издательств доверить перевод Улицкой именитым и удостоенным многих наград специалистам, с одной стороны, гарантирует высокое качество перевода, с другой – свидетельствует о высокой оценке авторской оригинальности и обогащающего действия произведений Улицкой на «принимающую литературу». На своеобразии творчества современной писательницы и связанные с ним сложности перевода указывает Т. Григорьянова: «В тексте Л. Улицкой обнаруживаются особые деривационные подходы, которые позволяют интерпретировать их как авторские неологизмы или как окказионализмы. Некоторые особенности языка Улицкой можно рассматривать как противоречащие стандартным деривационным возможностям русского языка» [Grigorjanova 2004: 402].

О постепенности появления писательницы перед словацким читателем говорит, например, тот факт, что ее имя не упоминается в значительном научном издании постсоветского периода – «Словаре русской литературы XI–XX вв.» (2007) [Slovník ruskej literatury 2007], однако в книге «Русская литература XVII–XXI вв.» (2013) появляется следующая небольшая справка в конце главы о современных русских прозаиках: «одна из самых переводимых и самых популярных современных русских писательниц – Л. Улицкая» [Ruska literatura XVIII–XXI storočia 2013: 233].

В творчестве Людмилы Улицкой современный читатель встречается с пересмотром постоянных для литературы тем отчуждения и поисков дома, с подробным анализом межличностных отношений, а также отношений человека к Богу и к себе самому. Улицкая пишет о важности религиозных убеждений, об их потере и повторном поиске. В ее произведениях мы находим описания

религиозной и социальной нетерпимости и толерантности в различных обществах – в основном в период XX века.

Одним из самых вдохновляющих и интересных с мировоззренческой точки зрения произведений является роман «Медея и ее дети».

Мы можем выделить несколько смысловых и эстетических аспектов, которые помогут прояснить художественную позицию автора:

- 1) изображение Крыма как земли оккупированной и процветающей;
- 2) социальные отношения, их явные и скрытые формы;
- 3) анализ и самоанализ протагонистов;
- 4) «авторский рассказчик» (термин А. Штанцла), как будто смотрящий на мир через микроскоп исследователя-генетика; связь автора и повествователя в романе;
- 5) своеобразие языка и речи в мультикультурной среде;
- 6) визуальные и ольфакторные особенности произведения.

Основным местом действия в романе «Медея и ее дети» является Крым – территория, которую автор описывает как обетованную землю. С этой землей связана история семьи понтийских греков: здесь их корни и их будущее. Улицкая интересно и очень не авторитарно показывает события XX века через жизнь разветвленной семьи. Революция, война, депортация и насильственная смерть входят в роман, но не как основные темы изображения, а как причины отъезда из Крыма членов этой семьи. Главная героиня, бездетная Медея, – связующее звено в жизни своих родственников, которые приезжают в места своего прошлого, чтобы понять свое настоящее и подумать о своем будущем.

Путешествие в Крым у Улицкой – это путешествие во времени, куда, однако, включены и реальные путешествия родственников Медеи современными видами транспорта, и катарсическое путешествие Медеи из Крыма к своей закадычной подруге Леночке в Ташкент – путешествие, по ходу которого Медея уподобляет себя странствующему и переносящему многие невзгоды Одиссею.

Сам Крым в романе связан с движением, с постоянным «круговоротом жителей», вызванным историческими событиями. Впечатляющие картины крымской природы выглядят как символ постоянства, контрастирующий с бурными этапами многочисленных переселений людей и политических изменений. В романе противопоставляются статика природы и динамика политических преобразований, раскрываются философские вопросы, связанные с

исчезновением всего людского, с его мимолетностью по сравнению с вечным.

В романе читатель встречается с Крымом греческим, татарским, с Крымом, завоеванным Золотой Ордой, и далее с Крымом русским и украинским. С точки зрения главной героини душа Крыма показана в романе как нерусская: у нее греческое и татарское прошлое, привычки, которые вызывают радость (как, например, подготовка традиционных блюд), и связи, полные уважения и чистоты.

Всему этому противопоставлено уничтожение уклада жизни советской властью, знаками которого становятся вырубка столетних деревьев, уход тагар, засохший совхозный виноград, испачканная украинская скатерть. Члены одной семьи в течение XX века много раз насильственно оставляют Крым, чтобы потом вернуться туда из разных уголков мира. Герои романа рассыпаны по разным городам и странам: Греции, Румынии, Италии, США, Москве, Ташкенте, Тбилиси, Вильнюсе, Сибири.

Изображенные в романе социальные и общественные связи на первый взгляд полны взаимного уважения, почтения к старшим и в то же время равноправия. Однако при более глубоком взгляде внимательный читатель откроет для себя много нарушений воображаемой гармонии, за которыми могут последовать новые витки движения – с новыми падениями и обретениями.

В романе линия человеческих отношений связана с воспоминаниями и гармонией между родственниками разных поколений. Но и в кажущихся на первый взгляд безукоризненными семейных и супружеских связях обнаруживается дисгармония – благодаря найденным письмам. Оказывается, бабушка в конце XIX столетия, скорее всего, искала в Крыму убежища от разрушенных любовных отношений. Поколение начала XX века предпочитало супружество и сплоченность, но такую, когда из чувства ответственности или иногда от незнания партнеры прощали побочные связи и воспитывали внебрачных детей (Медея, Леночка, Иван Исаевич). Для третьего же поколения семьи развод и начало новых отношений стали обычным делом. С этой точки зрения роман выглядит как социологическое исследование, которое рассматривает взгляды на супружество в течение XX века.

В сфере человеческих отношений Улицкая остается деликатной: она не осуждает (через «авторского рассказчика») других персонажей и не показывает идеальных решений сложных ситуаций. Ее героям ничто человеческое не чуждо, и они не склонны порицать чужие связи.

Межличностные отношения в романе «Медея и ее дети» не идеальны, время сглаживает острые углы, но оставляет следы. Так, примером нарушения гармонии становится психологическое насилие сумасшедшей бабушки над внучкой. Нарушение связи между внучкой и бабушкой – самыми близкими людьми после трагической и неожиданной смерти обоих родителей девочки – накладывает свой отпечаток на душу Маши, уже взрослой женщины.

Для автора характерно внимание как к связям взрослых, так и к отношениям между детьми. Детей считают полноценными людьми и их мнения и мечты точно показывают их будущее. Дети-протагонисты, как и в реальной жизни, не скрывают эмоциональную привязанность, в то время как их старшие братья и сестры старались не показать свою уязвимость и вырваться в мир взрослых.

Широкий спектр человеческих отношений и Медеино восприятие фактов и событий превращаются в романе в своеобразную «сеть», которая по прошествии времени создает видимый рисунок. Принудительные выселения татар, завещание Медеи, по которому незнакомец стал наследником всего имущества – все это и есть картина блуждающих отношений и веры в существование и возможность достижения справедливости.

Объект изображения в творчестве Улицкой – это человек, человеческое существо во всех фазах своего существования: в рождении, жизни и смерти – неотделимых элементах человеческой экзистенции. Изображение смерти в романе очень точное, но не болезненное и не чрезмерно грустное. Интересно, что в не очень большом романе мы встречаемся с очень широким изображением смерти членов одной разветвленной семьи: это смерть во время войны на всех возможных фронтах (смерть, которая выглядит как статистика, потому что мертвым все равно, в каких они мундирах – «красных» или «белых»). Свое место в романе нашли бессмысленная и трагическая смерть молодых супругов, а потом и самоубийство их дочери (корни которого можно увидеть в потере родителей и в зверском психическом давлении на ребенка). Фатальным показано утопление ребенка на городском пляже на глазах его родителей и дедушки. Утопление отца семейства влечет за собой смерть матери с младенцем – в результате глубокой тоски. Некоторую оппозицию этим многочисленным смертям составляет «счастливая смерть» как естественное окончание жизни и подготовка к ее приходу (так, как это переживала Медея при уходе своего мужа). Однако настойчивое присутствие смерти в романе не заглушает его стихийной жизненной энергии, которая притупляет грусть. В таком изображении реальности и «расстановке сил»

проявляется авторское мастерство и свежий оптимистический взгляд на мир – без привкуса излишней трагики или цинизма.

Ценности героев романа «Медея и ее дети» и их самовосприятие предоставляют широкий простор для интерпретации. Вообще круг отображаемых персонажей обнаруживает неизменные универсальные человеческие стремления, однако для исполнения мечты каждый действует по-своему. В яркие примеры счастья включается, например, ночное обжорство, вызванное психическим расстройством голодавшей во время войны Моти. Более частый пример – желание героев вернуться в Крым, уйти на периферию, оставив не очень успешную по сути жизнь.

С позиции окружающих родственников, центральный персонаж – Медея – является неприкасаемой, почитаемой за святую. В романе читатель не узнает ничего о ее недостатках, падениях или вине. В качестве единственной негативной черты указывается обидчивость, уже давно прошедшая. Медею можно с уверенностью отнести к положительным героям современной литературы, однако такое изображение лишает образ героини реалистичности.

Возможность изменения взгляда на Медею дает жизненная параллель двух старых подруг (Медеи и Леночки), в том числе отрицание существования у обеих внебрачных детей. Медеин брат перед Медей подчеркивает глупость своей жены Леночки, которая с удовольствием воспитывает сироту – его ребенка, таким образом включая и Медею в этот список «слепых» женщин. Тайна существования потомства открыта для всех, за исключением обманутых жен.

Сильной стороной романа Улицкой является организация повествования. Писательница в авторском повествовании не отрицает сама себя, мы часто встречаемся с указаниями на генетические особенности¹, сходства и различия, которые внешне объединяют родственников и отделяют чужих от своих. Этот дар «генетического видения» подарила писательница центральному лицу романа, Медее, которая в своих воспоминаниях занимается «генетическим исследованием» на материале собственной семьи и считает упорядоченность главным правилом своей жизни. Это ее собственный способ принятия мира.

Повествование в романе Улицкой бесконфликтно, лишено резких колебаний. Рассказчик здесь – своего рода воск, склеивающий,

---

¹ Л. Улицкая, как известно, по профессии биолог (генетик), два года работала в Институте генетики АН СССР. Краткую биографию Л. Улицкой см.: <http://www.ulickaya.ru>

соединяющий сюжетную линию с ее многочисленными перепадами. Ему свойственен оптимистичный взгляд, он смотрит на мир не чисто рационально, а под влиянием судьбы и веры в высшую силу.

Большую роль в романе играет язык как средство коммуникации. Во введении автор представляет Крым как среду понтийского диалекта древнегреческого языка, языка татарского Крыма. Медеин муж в конце своей жизни возвращается к идишу – языку своей молодости и угнетенной веры. Конфиденциальные переговоры между Медеей и ее братьями и сестрами ведутся на греческом. Мостом, соединяющим подруг, становится французский язык. Языковое разнообразие здесь в значительной степени определяется пространством, но стоит отметить, что язык как средство общения в определенной степени связан с вопросом национальности и помогает или препятствует человеку при включении в окружающую среду.

Художественный мир романа «Медея и ее дети» настроен на «визуализацию» и от этого особенно близок читателю: визуальные ощущения здесь действительно значительно перевешивают слуховые впечатления, автор как будто призывает к тому, чтобы пространство, персонажи и события были читателю более видны, нежели слышны.

Следует отметить и особую функцию ольфакторных элементов. Ароматы в романе сопровождают мечты и мистические события, которые не могут быть объяснены рационально и визуально. Аромат – это архетип, к которому всегда можно вернуться, и обонятельные ощущения в снах и мечтах в произведении связаны с приятными воспоминаниями, такими как путешествие вокруг Бахчисарайских садов, запах земли и моря, детских волос и человеческой кожи.

Подводя итоги, отметим, что творчество Л. Улицкой оказывается богатным материалом для изучения меняющегося лица бурного прошлого столетия, воссоздавая которое, автор говорит с читателем на многих уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

Grigorjanova T. Obraz súčasného Ruska v románoch súčasných ruských autorov // Hľadanie ekvivalentnosti II. – Prešov: 2004.

Hrala M. Ruská moderní literatura 1890-2000. – Praha: Karolinum. 2007.

Ruska literatura XVIII-XXI storočia / Eliaš A. a kol. – Bratislava: Veda, 2013.

Slovník ruskej literatury XI-XX storočia / Kovačičová a kol. – Bratislava: Veda, 2007.